Омского Прииртышья, И. А. Харитонова об этнических процессах среди чувашей Западной Сибири, Т. В. Щербаковой о расселении и численности народов Омского Прииртышья в советский период, Т. Ю. Макаровой о социально-профессиональной структуре народов юга Сибири, Н. И. Лапузиной об этническом самосознании казахов и татар Западной Сибири.

Разработке и внедрению в быт социалистической обрядности, традициям и новациям в обрядах населения Чечено-Ингушетии были посвящены доклады С.-М. Даутмерзаева (Грозный) и Л. Шадиевой (Грозный).

О роли этнографической науки и распространения этнографических знаний в коммунистическом и эстетическом воспитании трудящихся говорилось в докладах А. Ивановой (Чебоксары) и Ф. П. Столяровой (Чебоксары), а использованию этнографических материалов в обучении студентов педагогических институтов и школьников были посвящены доклады Г. В. Гуднева (Барнаул) и Т. Н. Онучиной (Барнаул).

Наибольшую группу составили доклады, основанные на результатах конкретных исследований по истории хозяйства, материальной и духовной культуре, семейной и общественной обрядности разных народов СССР. Эти темы прозвучали в докладах Е. В. Переваловой (Тобольск) о традиционном хозяйстве манси, В. Н. Карелина (Омск) о хозяйственно-культурных типах барабинских татар в XVII — начале XX вв., С. А. Герасимовой (Омск) о прядении и ткачестве сибирских татар, С. Г. Горбуновой (Кемерово) о материальной культуре шорцев, Т. Г. Богомазовой (Ленинград) об этнических аспектах изучения молочной пищи бурят, З. В. Доде (Ставрополь) об украшениях народов Ставрополья в XVIII — начале XX в.

Большой интерес вызвали доклады С. Э. Рашкован (Ленинград) «Анализ структуры купальского обряда», И. А. Бобрицкой (Волгоград) «Обряд „ритуальных похорон" русского и украинского населения Нижнего Поволжья», А. Л. Цитриковой (Сыктывкар) «Пространственно-временная организация русских обрядов гадания», Г. И. Успеньева (Омск) «Обряды казаков Сибирского казачьего войска, связанные с рождением ребенка», С. В. Прокопенко (Волгоград) «Об обычае размывания рук у русских Нижнего Поволжья», И. М. Карелиной (Омск) «Свадебный обряд сибирских и поволжских татар», Л. Т. Шаргородского (Омск) «Погребальный обряд барабинских татар конца XIX—XX в.», А. М. Карпова (Ижевск) «Удмуртский народный музыкальный инструментарий», Г. И. Корепанова (Ижевск) «Категория времени у удмуртов», И. В. Тарнавской (Улан-Удэ) «Орнамент вышивки русских Забайкалья» и др.

Жанры и сюжеты русских фольклорных произведений рассматривались в докладах Е. Исаковой (Барнаул), Л. А. Поповой (Барнаул), Ю. И. Морозова (Омск), М. Н. Зеваковой и М. К. Хазовой (Ленинград); шорский героический эпос — в докладе Д. А. Функа (Кемерово), фольклор сибирских татар — в докладе Ю. В. Шершева (Омск).

Религиозные представления и обрядовые комплексы анализировались в докладах Ю. А. Ямпольской (Ленинград) «Развитие культа коня у финно-угорских народов Поволжья», А. П. Бандуры (Горно-Алтайск) «Культ коня у тюрков Алтая», В. Б. Яшина (Омск) «О месте иранизмов в мансийской мифологии», О. П. Денисовой (Ленинград) «Религиозные верования чувашского крестьянства XVIII в.», З. А. Башировой (Омск) «Природа в религиозных верованиях татар Среднего Прииртышья», А. Н. Рябцева (Сыктывкар) «Об одном ритуальном символе погребального обряда Перми Вычегодской», С. Козлова и В. Глонина (Грозный) «К вопросу о религиозных верованиях терских казаков».

В решении, принятом участниками конференции, отмечалось широкое развитие этнографических исследований студентов не только в университетах, но и в педагогических институтах и в институтах культуры Российской Федерации. В связи с этим, и учитывая большую роль этнографических знаний в подготовке высококвалифицированных историков, преподавателей истории, а также в политическом и эстетическом воспитании советских людей, на конференции был поставлен вопрос о необходимости введения курса этнографии на исторических факультетах и отделениях педагогических вузов РСФСР. Были также высказаны пожелания о расширении специализации в области этнографии.

Было рекомендовано продолжить практику организации всероссийских научных студенческих этнографических конференций на Историческом факультете Омского ун-та, где уже накоплен положительный опыт их проведения.

Участники конференции осмотрели выставку собранных студентами этнографических коллекций по культуре народов Западной Сибири и Северного Казахстана и выставку студенческих научных работ членов этнографического кружка Омского ун-та.

Н. А. Томилов

ВЫСТАВКА «ИСКУССТВО КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

С 7 по 25 сентября 1983 г. в Москве, в Государственном музее искусства народов Востока, экспонировалась выставка «Искусство Корейской Народно-Демократической Республики», приуроченная к 35-й годовщине образования КНДР, торжественно отмечавшейся 9 сентября.

Рис. 1. Ким Сонмин. Танец с барабаном (эта и остальные фотографии выполнены А. И. Стояновым)

На выставке было показано 88 экспонатов (произведения живописи и декоративно-прикладного искусства), которые дали представление об основных этапах развития традиционного и современного искусства. Особенность этой выставки заключалась в том, что среди экспонатов, привезенных из Пхеньянского музея изобразительных искусств, большинство принадлежит к числу национальных сокровищ корейского народа, и они впервые показаны за границей. Из работ современных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства КНДР для выставки в Москве были отобраны те, в которых живут и продолжаются традиции древнего искусства [1].

...Древняя корейская легенда, сохранившаяся в средневековой летописи «Самгук саги» (XII в.), рассказывает о том, что некогда в государстве Силла жил художник по имени Сольго. Мастерство и талант его были столь велики, что народ складывал о нем предания и мифы. Говорят, что однажды Сольго так нарисовал на стене буддийского храма Хваннёнса старую сосну, что птицы, завидев ее издали, устремлялись к ней... [2]

Предание о чудесном художнике не случайно сложилось в корейском народе, который с незапамятных времен славился своими художниками и архитекторами, скульпторами и керамистами, мастерами прикладного искусства. История искусства Кореи привлекает внимание и советских ученых [3].

Огромный интерес у московских зрителей вызвали репродукции знаменитых настенных росписей гробниц периода Когурё, одного из могущественных государств в Восточной Азии в раннем средневековье. Настенные росписи когурёских гробниц были открыты в XX в. Большой вклад в их открытие и изучение сделали учены КНДР. В стране ведется огромная работа по сохранению и реставрации уникальных произведений искусства, созданных более 16 веков назад [4]. На выставке были показаны репродукции наиболее известных росписей: «Сцена охоты» (гробница Муёнчхон), «Небесная фея» (гробница Анак № 2), «Портрет госпожи» и «Шествие» (гробница Анак № 3 — Мичхон-ван мудом), «Красная птица» и «Черепаха, обвитая змеей» (гробница из уезда Кансо), «Празднество» (гробница Сусанли). Все эти картины — яркое свидетельство высокого мастерства художников Когурё и ценный источник для исторической этнографии корейцев [5].

Традиции, заложенные художниками древности, продолжали жить в искусстве корейского народа.

Наши корейские друзья привезли на выставку в Москву картины, отражающие основные этапы развития корейской живописи XVI—XIX вв.

Огромное впечатление производит портрет Ли Ханбока (1556—1618), созданный Ли Синхымом (1570—1631) и дошедший до наших дней в копии художника Чин Джэхэ (1691—1769). Этот портрет знаменует собой утверждение в корейской классической живописи жанра психологического портрета. Картина сильно пострадала от времени. Однако прекрасно сохранилось живое, выразительное лицо пожилого мужчины. Поражают глаза Ли Ханбока, его проницательный, мудрый взгляд. Несмотря на оттенок печали и выражение усталости, весь его облик исполнен одухотворенности.

---

[1] *Хён Чхун Гук.* Сохранить культуру для потомков.— Сов. культура, 8 сентября, 1983, с. 7.

[2] Корейские предания и легенды. Из средневековых книг/Пер. с ханмуна. М.: Худ. лит., 1980, с. 200.

[3] Изобразительное искусство Кореи. Из экспонатов корейской художественной галереи (альбом). Пхеньян, 1978; Корея.— В кн.: *Виноградова Н. А., Николаева Н. С.* Искусство стран Дальнего Востока (серия «Малая история искусства»). М.: Искусство, 1979, с. 153—203; *Глухарева О. Н.* Искусство Кореи. С древнейших времен до конца XIX века. М.: Искусство, 1982.

[4] Фрески периода Когурё (альбом). Пхеньян, 1979 (альбом был опубликован на русском, корейском, китайском и японском языках).

[5] *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев). М.: Наука, 1972; *ее же.* Когурёские гробницы и их настенная живопись.— В кн.: Корейское классическое искусство. М.: Наука, 1972, с. 15—29.

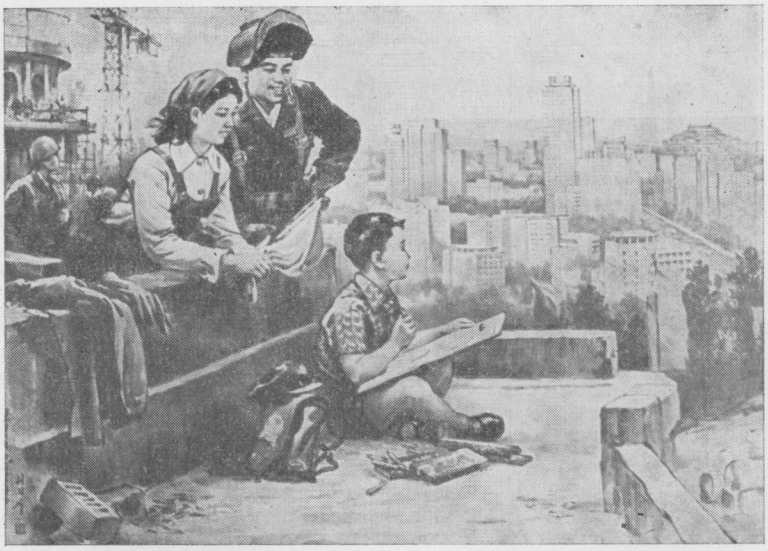

Рис. 2. Ли Джесу. Улица, на которой мы живем

Тема утверждения духовной значимости человека, его огромных внутренних способностей, его умения противостоять не только невзгодам жизни, но и грозной природной стихии продолжена, но уже в аллегорической форме в картине неизвестного художника XVII в. «Ужение дракона». Человек на равных вступает в единоборство с морским чудовищем.

Запоминается небольшая жанровая картина Ким Дуряна (псевдоним Намни, 1696—1763) «Пастух и бык». Художник прекрасно передал тишину и покой жаркого летнего дня. Юноша-пастух заснул на склоне зеленого холма. На переднем плане с большой симпатией написана могучая фигура быка — выносливого, трудолюбивого и верного помощника корейского крестьянина. Интерес к крестьянскому быту, к социальному жанру характерен и для произведения Ким Дыксина (псевдоним Кындже, 1754—1822) «Янбан и крестьяне».

В истории корейской живописи особое место принадлежит Чон Сону (псевдоним Кёмджэ, 1676—1759) — великому пейзажисту, впервые воспевшему в своих картинах красоту природы Страны Утренней Свежести[6]. На выставку был привезен один из лучших пейзажей Чон Сона «Возвращение в дождь» («Путешествие под весенним дождем»). Эта небольшая картина (31,8×42,3 см) написана художником в последние годы его жизни, когда его кисть достигла особого мастерства. Туманным, дождливым утром по узкой дороге вдоль реки на маленьком ослике едет старый ученый, на нем белый халат, на голове маленькая черная шапочка, в руках свиток. Сзади бредет мальчик-слуга. Вдали за рекой сквозь облака проступают контуры крыш крестьянских домов. Мягкие размывы туши, передающие насыщенный влагой воздух, сочетаются с выразительными линиями отдельных деталей. Лирическое настроение картины подчеркивается каллиграфической надписью.

Пейзажная живопись Ли Инмуна (псевдоним Чховон, 1758—1824) представлена небольшой картиной «Лодочник».

На выставке демонстрировался известный рисунок «Старый лев» прославленного художника Ким Хондо (1760— ?). В традиционной культуре лев — защитник от злых духов, образ его, отчасти мифический, популярен в народе. Тонкими линиями туши Ким Хондо изобразил старого льва. С мягкой иронией и лиричностью написана морда старого животного, внимательно смотрящего на зрителей.

Огромный интерес вызвали вертикальные свитки из серии «Картины крестьянского быта» («Кёнджикдо»), датируемой XVIII в.[7] На выставке в Москве были показаны три свитка: «Охота весной», «Рыбная ловля», «Базарный день». Картины написаны на шелке минеральными красками. Автор неизвестен. Каждый свиток — это яркое, многоцветное панно из жизни корейского общества XVIII в. На фоне величественных гор, покрытых цветущими деревьями, развертываются различные события. Вот у реки раскинулся шумный базар. Чего здесь только нет: в торговых рядах продают ткани, циновки, керамические сосуды разных размеров, кули с рисом. Неподалеку продают и покупают маленьких лошадок. Желающие отдохнуть собираются около столиков с угощениями. Здесь же разделывают рыбу. Кисэн (гейши) с высокими прическами подносят янбаням (дворянам) рюмочки с вином. Совершившие покупки садятся в большие лодки. В многолюдной толпе чинно прохаживаются янбани в черных шляпах с высокими тульями, в голубых или сиреневых шелковых халатах; торопливо снуют носильщики в белых одеждах, лодочники подгоняют к берегу лодки, бегают мальчишки. Кажется, над

[6] *Киреева Л. И.* Пейзажная живопись Чон Сона (Кёмджэ).— В кн.: Корейское классическое искусство, с. 65—79.

[7] Изобразительное искусство Кореи. Пхеньян, 1978, с. 32—33 (на русск. яз.).

Рис. 3. Ким Сонджон. Лаковая ваза

площадью и рекой льется веселый, неуемный, разноголосый шум праздничного базарного дня. По многообразию деталей и, более того, по любованию этими деталями, по стремлению рассказать о многом и запечатлеть весь этот великолепный мир свитки сродни корейским средневековым повестям XVIII—XIX вв.

В жанре новогодних картинок (сэхва), которыми корейцы в праздник украшали свои жилища, выполнены два вертикальных полихромных свитка (XVIII—XIX вв.). На одном из них изображены петух, курица и цыплята, на другом — цветы пиона. Эти сюжеты связаны с благоприятной символикой — пожеланием благополучия и богатства. В первый день Нового года такие картины вывешивались в парадных комнатах.

Московская выставка убедительно показала, что лучшее из традиционного корейского искусства продолжает жить в творчестве современных художников КНДР, работающих в жанре *чосонхва* (корейская живопись). Одно из ведущих направлений этого жанра в наши дни — полихромная живопись[8]. Многоцветием красок корейской осени запоминается картина заслуженного художника КНДР Ким Ина «Горы Мёхянсан осенью». В картинах заслуженного художника КНДР Ким Сонмина «Танец с барабаном» (рис. 1), заслуженного художника КНДР Ким Чхунджона «Приветствие», Син Чоя «Качели» передано настроение праздничности, для них характерен интерес к национальному костюму, народным музыкальным инструментам, народным развлечениям.

Художники, работающие в жанре *чосонхва*, горячо откликаются на животрепещущие темы современности. В центре их внимания трудовой подвиг народа (как, например, в картине Пак Тэёна «Победители стодневного боя»), строительство Пхеньяна (например, в картине Ли Джесу «Улица, на которой мы живем» — рис. 2), героическая борьба народа Южной Кореи (например, картина народного художника Кореи Чхве Хатхэка «Воюющий Кванджу»).

В КНДР продолжают развиваться традиционные виды декоративно-прикладного искусства: художественная вышивка, резьба из полудрагоценных камней, керамика, изделия из фарфора, лаки, плетение из бамбука. Творчество мастеров, работающих в этих жанрах, было широко представлено на выставке. Великолепна черная лаковая ваза Ким Сонджона, инкрустированная узором из перламутра — танцующие журавли на фоне восходящего солнца (рис. 3). Запоминается также работа Чон Сонджо — лаковая ваза, инкрустированная перламутром. Тема узора — сбор богатого урожая. По горловине вазы художник расположил орнамент из колосьев риса, на тулове — сцена народного праздника: по случаю сбора урожая крестьяне исполняют веселый танец.

Многие мастера-керамисты возрождают и продолжают славу корёского селадона. Так, например, ваза Ли Инсика выполнена в стиле *сангам*. Узор фарфоровой вазы мастера Ли Тхэджон — «Белый тигр», один из четырех священных мифических животных (*сасин*), которых так часто изображали художники Когурё.

В декоре современных керамических и фарфоровых изделий, в узорах изделий из лака, а также в вышитых панно сохраняются традиционные, любимые народом символы: цветы пиона, магнолии, плоды каштана, изображения аистов и карпов.

Эмблемой выставки стала картина художника XIX в. Ким Джинина «Бамбук». Бамбук и сосна — древнейшие образы-символы корейского искусства, это символы долголетия, стойкости, твердости характера.

Образ бамбука прекрасно выражает основную идею выставки — преемственность поколений, а сама выставка убедительно свидетельствует о том, что мастера Корейской Народно-Демократической Республики творчески развивают и продолжают лучшие традиции своего классического искусства. Несомненно, в этом залог их новых блестящих свершений.

---

[8] См., например, альбом «Корейские изобразительные искусства». Из произведений, представленных на всереспубликанской выставке изобразительных искусств, посвященной 30-летию образования КНДР. Пхеньян, 1979 (на русск. яз.).

Р. Ш. Джарылгасинова